

Черный хлеб на столе пропал; трудно было представить, что эту дрянь вообще можно есть.

Два дня подряд Ли Чи ходил на свалку, и теперь его тело неприятно липло, да и грязные волосы доставляли всё больше неудобств.

За прошедшую ночь Лу Сихэну стало заметно лучше, но сам он тоже успел испачкаться.

В кувшине воды было мало, хватало только попить. Бадья же оказалась достаточно большой, чтобы в неё мог усесться Ли Чи, но на нагрев полной бадьи ушло бы полдня.

Подумав, Ли Чи нерешительно спросил:

— Может, сходишь в баню?

У него оставалось еще немного денег, как раз должно было хватить на отдельную кабинку.

Глаза Лу Сихэна блеснули, но что-то вспомнив, он тут же погасил этот блеск.

Он шевельнул губами, но ничего не сказал.

Ощущение липкой грязи на теле настойчиво требовало омовения, и спустя мгновение раздался хриплый голос.

— Сколько? Я... верну в стократном размере.

Ли Чи покачал головой:

— Не нужно, главное, чтобы ты поправился.

Чтобы был рядом, исправился и позволил ему выполнить задание, – Ли Чи и так был бы благодарен.

Ясный, как родник, голос юноши снова тронул сердце; ресницы Лу Сихэна дрогнули.

...

Хозяйкой бани была красивая женщина; сидя за стойкой, она с интересом разглядывала обоих.

— Отдельный номер? Двадцать луби, тридцать минут. Вам одну кабинку или две?

Ли Чи очень хотелось две, но денег у него хватало только на одну.

Он выложил на стеклянный прилавок двадцать луби и повернулся к Лу Сихэну, глядя на него горящим взором.

После короткого молчания Лу Сихэн кашлянул.

— Одну.

Женщина проворно проводила их в комнатку в углу. — Следите за временем, за перерасход – штраф, — сказала она с насмешливой улыбкой и ушла.

Никогда еще Лу Сихэн не чувствовал себя так неловко.

В комнатке в четыре квадратных метра было тесно повернуться, не то что мыться вместе с

незнакомым юношей, с которым он был знаком всего день.

Ли Чи же не испытывал никаких затруднений, быстро разделся и устался на Лу Сихэна, видимо не понимая, почему тот медлит.

— Осталось двадцать восемь минут, между прочим.

— ...

Он сейчас жил из милости, тратил деньги Ли Чи и не имел права капризничать.

К тому же, то, что он остался жив, уже было чудом; времена, когда ему прислуживали, прошли, а у него остались незаконченные дела...

Разобравшись в мыслях, Лу Сихэн перестал стесняться и быстро скинул с себя остатки одежды.

В комнате был только один душ. Ледяная вода заставила их инстинктивно сжаться, и лишь через несколько секунд пошла горячая.

Вскоре вся комнатка наполнилась туманным паром, и дыхание смешалось с водяной дымкой.

Лу Сихэн намылил тело, стоя спиной к Ли Чи и стараясь не обращать внимания на того, кто был сзади.

В комнате и руки-то не вытянуть, а живой юноша и подавно не давал о себе забыть.

Когда он в очередной раз случайно коснулся мягкой кожи Ли Чи, его пальцы дрогнули, и мыло выскользнуло, покотившись прямо к ногам юноши.

Лу Сихэн: — ...

В воздухе слышался лишь плеск воды. Лу Сихэн молчал.

— Ли Чи.

— М? — Голос прозвучал с носовым оттенком, слегка приглушенный паром.

— ...Не мог бы ты поднять мыло?

Ли Чи остановился и склонил голову набок.

Если ему не изменяет память, Ли Цзюэ советовал не поднимать мыло.

Такие люди - нехорошие.

Но это не страшно, он ведь знал, что Лу Сихэн - злодей.

Потом он обязательно исправится. Да, точно.

Так и не дождавшись ответа, Лу Сихэн решил, что ему отказали, и повернулся, чтобы поднять мыло самому.

В этот же миг Ли Чи наклонился.

Гладкая кожа на мгновение коснулась чего-то мягкого.

Первый остался невозмутим, второй же застыл как громом пораженный.

Ли Чи поднял мыло, ополоснул его под водой и протянул Лу Сихэну:

— Держи.

— ...Спасибо.

Лу Сихэн поспешно взял мыло и снова повернулся к Ли Чи спиной, слегка ссутулившись.

Кажется, ему было немного не по себе.

Ли Чи предположил, что это связано с раной: незажившее место и от воды-то болит, а уж если задеть – тем более.

Проявив чуткость, Ли Чи спросил:

— Тебе помочь?

Лу Сихэн всегда жил аскетом, даже находясь в грязи, не марал себя, и уж тем более редко давал себе разрядку.

Но сейчас, глядя в эти туманные голубые глаза, он, словно поддавшись наваждению, потерял контроль над своим телом.

Жар неудержимо приливал книзу, а слова Ли Чи только разжигали пламя.

Лу Сихэн глубоко вздохнул:

— Ты... понимаешь, что говоришь?

Ему так нравятся мужчины... что он готов на такое лишь бы помочь?

— Конечно, понимаю, — Ли Чи и бровью не повел и серьезно ответил. — У тебя рана, неудобно мыться, я могу помочь.

Лу Сихэн замер.

— Ты имеешь в виду... помыться?

Ли Чи:

— Ага.

Внезапно осознав, что его мысли зашли слишком далеко, Лу Сихэн замолчал и стал мыться быстрее.

— Не нужно.

Почему-то в душе шевельнулось странное чувство.

Вроде бы так и должно быть, и в то же время... словно чего-то не хватало?

Все оставшееся время, когда их кожа случайно соприкасалась, у Лу Сихэна не возникало никаких странных мыслей; он как на задании быстро вытерся и вышел.

Ли Чи любил мыться, ощущение окутывающей тело воды было приятным, после бани он чувствовал себя легко, волосы стали пушистыми и мягко падали по бокам лица.

Погода стояла тёплая, они лишь слегка промокнули волосы полотенцами, и по дороге домой те успели полностью высохнуть.

Собиратели вели ночной образ жизни, днем в основном спали, и Ли Чи подумал, не стоит ли и ему восстанавливать силы, как подобает настоящему человеку.

Думая так, он и вправду почувствовал сонливость.

После бани Лу Сихэн молчал, пока не услышал, как Ли Чи зевнул.

— Спать хочешь?

— Похоже на то.

Лу Сихэн кивнул в сторону кровати, отодвинул стул и сел. — Сегодня я пойду с тобой.

— А ты разве не будешь спать?

Ли Чи, боясь, что Лу Сихэн пропадет, пока он спит, специально уступил ему место у стены.

Он посмотрел на Лу Сихэна взглядом, которому, казалось, невозможно было противиться:

— Давай поспим вместе.

Ли Чи ничего такого не имел в виду, но Лу Сихэн услышал в его словах иной смысл.

В ушах Лу Сихэна эти слова прозвучали иначе, как тайное искушение, с оттенком интимности.

Он хотел было отказать, но бегство отняло много сил, он не спал всю прошлую ночь, и голова снова начала раскалываться.

Подумав, Лу Сихэн молча забрался на кровать.

Он прижался к стене, вытянувшись в струнку, стараясь не прикасаться к Ли Чи.

Ли Чи не заметил его напряжения, лег и устроился поудобнее.

В крохотной комнате было так тихо, что слышалось только дыхание. Спустя какое-то время Лу Сихэн вдруг заговорил.

— Ли Чи.

Слегка хриплый тембр раздался совсем рядом, такой приятный, что хотелось завилать Хвостом... и уснуть.

Ли Чи хотелось послушать еще, и он украдкой наклонил голову в его сторону.

— Что такое?